ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 1(255) – 2018

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

На перевалах

Нина ЯГОДИНЦЕВА

* * *

...И уже не забудутся никогда
В перекрестье дел
и больших, и малых
Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на перевалах...

И уже растворилась огнём в крови
Молодая метель
над ночной страною,
И уже бессмысленно о любви –
Ибо только она, и ничто иное.

А мороз над Уралом привычно груб,
И теперь от него заслониться нечем,
Но уже не отнять воспалённых губ
От шершавого горлышка
русской речи.

То ли просто зима,
то ли впрямь беда
Высекает слёзы из глаз усталых...
...Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на перевалах.

* * *

День осыпан пеплом сновидений.
Словно бы тревожный, смутный сон
Вышел из своих ночных владений –
И его назойливые тени
Обступают свет со всех сторон.

Мечется испуганная птица
В полутёмной каменной трубе,
Чёрная, огромная – Тебе
Страшно: Боже, где она гнездится?

Вот пустая церковь на холме,
На далеком острове, и волны
Выстилают пеною во тьме
Лёгкую тропу – и ты невольно
На неё ступаешь, но на дне
Вспыхивает мрак: Тропа в огне.

Вот холодный долгий коридор,
Весь в лохмотьях
старой синей краски.
Вдалеке – окно.
Но свет напрасный,
Словно свету Божьему укор,
Льётся прочь.
А ты стоишь с младенцем
На руках. И над холодным тельцем
Собираешь скудное тепло,
Лишь бы это сердце ожило...

Снится жизнь – безвестная, чужая.
Снится, камень мира обнажая,
Гулкие провалы в пустоту.
И в трубе вселенского колодца
Птица перепуганная бьётся,
Осыпая пепел на лету...

* * *

Так останься же тайной отрадой
Для моих неприкаянных дней,
Как сирень за церковной оградой
И фонарь потускневший над ней!

Сквозь безумие и отреченье
Пред тобой на колени паду
Под его золотое свеченье
В полуночном церковном саду.

Ибо кто в этом мире не ищет
Гиблой славы страстей и обид?
Кто потом
над своим пепелищем
В покаянной тоске не стоит?

Кто
не молит
золу
золотую:
Озари,
воскреси,
оживи
Беспощадную, честную, злую,
Беззащитную правду любви…

Так останься же памятью майской
За оградою прожитых лет,
Где сияет прощальною лаской
Фонаря остывающий свет…

АРКАИМ

Небо, мягкие лапы к земле прижав,
Дышит
печальным запахом спелых трав.
Солнце звенит в зените, и сам зенит,
Высохший до серебряного, звенит,

Звон проливается в землю,
словно вода –
И оживают мёртвые города,
В тысячелетнюю сеть
травяных корней
Рыбами угодившие в толще дней,
И на тугой излуке реки степной
Стены вздымаются
солнечною волной.

Имя твоё утрачено – но утрат
Было немало развеяно на ветрах.
Память твоя повержена – но зола
Тысячи раз молодою травой взошла.
И точно так же,
как тысячи лет назад,
В зное весёлые кузни твои звенят...

Воздух калёный темнеет –
идёт гроза,
Выше тревожные женские голоса,
Детские крики,
назойливый скрип ворот –
Краешек тучи горой над горой встаёт
И настаёт, осязаема и видна,
Предгрозовая свинцовая тишина...

Но колесницей в гулкий омут жары
Ветер неудержимо летит с горы!
Памяти не устоять на таких ветрах –
Рушатся древние стены
в горячий прах,
И в непокорную землю у самых ног
Время вбивает
сырой грозовой клинок.

* * *

Сошла высокая вода...
Душа, откуда столько боли?
Несёт черемуха в подоле
Малиновые холода.

Идёт, боса и весела,
В прозрачном облаке остуды,
Не сетуя на пересуды
На шумных улицах села,

Навстречу ей сквозит трава,
До солнца воздух пробивая,
И жизнь такая молодая,
И лишь поэтому права.

И ладно – лишь бы всё цвело,
Не вспоминай в весенней силе,
Что руки нежные застыли
И пальцы тонкие свело.

* * *

Выбегаешь на крылечко, на мороз –
И косыночка сбивается оплечь.
Ничего на белом свете не всерьёз.
Никого на белом свете не сберечь.

Едут сани, режет полоз ледяной,
Виснет месяц от беды на волоске,
Покрывается нежданной сединой
Растрепавшаяся прядка на виске.

Едут сани, едут сами – а куда?
Позасыпаны дороги да пути.
Говорят, что это горе не беда –
Только зиму поперёк не перейти.

А повдоль неё крутые берега,
В берегах текут позёмка да пурга,
Набухают светом звёзды на мороз –
Ничего на белом свете не всерьёз...

А всерьёз пред этой грозною зимой
Подарёная косынка с бахромой,
Да горячая дорожка от слезы,
Да по зимнику тяжёлые следы.

* * *

В малой горсточке тепла
Спать да спать, дыша неровно…
Боль пройдёт, как ночь прошла.
И она была огромна,

И она была темна,
И её гроза взрывала –
Даже в горсточку тепла
Ветром брызги задувало.

И, почти сводя с ума
На немыслимой поверке,
Била высверками тьма
Прямо в сомкнутые веки.

И казалось, выше сил
Неумолчный грохот ада –
Только кто-то подносил
Сердцу тихую прохладу,
Утирал огонь со лба,
Молча истово молился…
Сохрани во сне, судьба,
Эти призрачные лица,

Эти ясные глаза,
Свет лучащие, спасая.
Тающие голоса,
Невесомые касанья...

* * *

Показалось – уже темно,
А на самом деле – с утра…
Это клён заглянул в окно
Из заснеженного двора.

Что ты мне говорил, о чём -
Было слышно, словно сквозь лёд.
И часы над твоим плечом
Безнадёжно ушли вперёд.

Мне казалось, что это – всё,
Дальше просто сплошной Delete.
И декабрь погрузился в сон,
И душа уже не болит.

Оказалось, что всё светло,
И до ночи не мерян путь.
И лучи за окном свело
И нацелило прямо в грудь.

* * *

На крещенском морозе,
на полном серьёзе
На хрустящем снегу
золотые полозья…
Золотые,
литые из солнечной стали –
Словно свет растворён
в ослеплённом металле…

На крещенском морозе,
горячем на выдох,
Ни судьба не обманет,
ни случай не выдаст:
Если день ненадолго,
то ночи – с лихвою,
От собачьего лая до волчьего воя.

На крещенском морозе,
под лунной заплаткой
Жизнь покажется краткой,
покажется сладкой,
И покатится весело
в санках под горку,
И окажется долгой,
окажется горькой,

Ах, когда б мы,
наивные, вызнали сами,
Кто на ярмарке шумной
дарил леденцами,
Раздавал да прихваливал
сдобным словечком,
Всё-то накрепко помня
о детском и вечном…

* * *

Как тут выбирать,
коль попал спроста
В спелую солому – сухую тишь:
Вымолвить хоть слово –
спалишь уста,
Ну а промолчать – изнутри сгоришь.

В общем, эта жизнь –
чистый самопал:
Воздуха вдохнул – и уже пропал...
И таких пропащих немерено,
Только знать об этом не велено.

Да и выбирать – было б из чего...
Даже смертный снег не студит чело.
А кому посмеешь пожалиться
Среди уголья на пожарище?

Прощевай-прости, да не помни зла,
Было или не было – всё зола,
А добром нечаянным – вспомяни
Лоскуток согревшего пламени.

* * *

Грязь летит на обочины –
Зимних ночей извёстка.
Ангел, вкривь позолоченный,
Спит за стеклом киоска,

Пряча за мятым ценником
Грубую позолоту…
Что же им делать, пленникам,
Если вы позовёте?

С неба печати сорваны,
Словно во время оно:
Спящими загипсованы.
Крылышки из капрона.

В гибельной непохожести
Гаснет душа живая,
Кому наивной пошлости
Молча пережидая.

* * *

Задувает, метелит, вьюжит –
но как легко
Пить ледяное, хрустящее
снежное молоко!
Так и льнёт, так и льётся
широкой рекой на грудь –
Успевай шубейку
драную запахнуть…

Пахнет розами ночь –
но откуда в морозы такой цветник?
Ароматный родник –
даже ветер в испуге сник.
Словно смотришь
в уютный садик через забор –
И глядишь на розы как вор,
и дышишь как вор…

Это чистое, нежное,
чуть взглянул – и уже украл…
Это в сердце
как в тайнике: декабрь, Урал,
Ночь, морозец,
сердце рвётся из-под руки
Собирать горячие белые лепестки.

И морозец ему не указ,
и ночь – не указ.
Если хочет оно украсть –
ну как не украсть?
Это сердце, и что для него закон?
Только то и живо, что под его замком.

* * *

Когда бы знали мы на самом деле,
Как наши карты звёздные легли…
Она сидела на краю постели –
Усталый путник на краю земли.

Перебирая в пальцах бесполезно
Больничную застиранную бязь,
Она глядела в пол,
как будто в бездну,
Где космос открывался ей, клубясь.

Несли таблетки, кашу приносили,
С трудом тянули кровь
из бледных жил…
Июль пролил на окна столько сини,
Так листьями по стёклам ворожил,

Так объявлял грозу, молил о чуде,
Так умолкал в изнеможенье: будь!
…Никто не знает, как ступают люди
На бесконечно долгий звёздный путь,

Как за спиною вдоль высоких окон
Проглядывают линии орбит…
Как на столе в стакане одиноком
Серебряная ложечка звенит.

* * *

Юрию Васильеву
и Николаю Бодрову

Так сбивается в масло небесное
Молоко любви.
Наклоняется ангел над бездною,
Говорит: живи,
Осенью дыши, говорит,
Шурши листвой,
Дождинки лови за шиворот –
Я твой
Собеседник на веки вечные…
Я молчу,
Потому что ответить нечего.
Он спускается по лучу,
Словно лист на плечо, свет на уста,
Воздух в перехваченную гортань…
Я говорю: устала.
Перестань
Обещать несбыточное, дарить
Невозможное – удержу ли?
Удержишь, говорит.
Я дежурю
Круглосуточно, всемирно.
Качнёшься – я подхвачу.
И уходит вверх по лучу.

Листву собирают
в чёрные пластиковые мешки.
Воздух пустеет,
с белого неба летят мечты –
Прозрачные, невесомые –
и тают почти у самой земли.
Снега пришли.

Восточные притчи

Ярослав КАУРОВ

Песни Ходжи Насреддина

КАРАВАН

Поцелуй зари украсил минарет.
На вершинах горных розы расцвели.
На базар пошел, едва забрезжил свет,
Старый мастер, уважаемый Али.

Вот расставил
в лавке
мастер
свой товар.
Словно золото
блестит
кувшинов
медь.
Знает, ценит,
любит
мастера базар.

Каждый хочет в доме золото иметь.

И сидит Али, читает рубаи,
Видит –
шествует на площадь караван,
Вдруг поднёс к груди
он руки сильные свои,
Сердце сжалось,
будто в нём полсотни ран.

Приглядел себе чеканщик не коня,
Должен сделку провернуть
наверняка.
Уговаривал купца четыре дня,
Чтобы продал за кувшины ишака.

Удивлялся очень опытный купец,
Удивлялся и не мог понять никак:
"О, скажи ты мне, чеканщик, наконец,
И зачем тебе столь дорогой ишак?".

Заключили сделку, дрогнула рука,
Дольше думать у купца не стало сил.
Десять взял кувшинов он за ишака,
Десять, чтобы только тайну сохранил.

Три часа родню чеканщик собирал,
Три часа им объяснял задумки суть,
Три часа кувшин секретный создавал
И отправил всех
в ночной и тайный путь.

Всё добро собрала дружная семья,
Всех верблюдов предприятью
отдала,
Ни посуды не осталось, ни тряпья,
Вот такие были тайные дела.

Все нагруженных верблюдов привели,
Привязали крепко мордою к хвосту,
И в ночи пошли пустыни корабли,
И цепочка растянулась на версту.

Самым первым привязали ишака.
Лишь кувшин он на спине нёс и Коран.
Дали бедному животному пинка,
И направили в пустыню караван.

И повел верблюдов, как эмир, ишак.
А куда идут, и кто их разберет?
И вернуться и свернуть нельзя никак,
Не пойдешь же в горы
задницей вперед.

Шли они остаток ночи в тишине
Без погонщиков,
без всадников – одни.
Только совы удивлялись в вышине.
Наступали удивительные дни.

Шли они
прохладным утром по пескам,
Постепенно розовели небеса,
В это время на колючках тут и там
Как рубины загорается роса.

Шли вперёд верблюды
сквозь палящий зной,
И пески слепили ишаку глаза.
Лишь орёл парил
над пропастью земной,
И шипя ползла коварная гюрза.

А под вечер шли в тени высоких гор
И взбирались на пологий перевал,
И никто не мог нестись во весь опор,
И никто из них в пути не отставал.

Мир застыл, увидев это волшебство,
Даже серны замедляли шаг,
И влюбленные взирали на него.
Не смотрел на них задумчивый ишак.

Серны думали: "О, как же он велик!
Человеческих избегнул он оков.
Раньше
только на страницах мудрых книг
Мы встречали столь ученых ишаков".

Если был бы помоложе наш вожак,
Порезвился может, сернами пленен,
И в горах родился б не один ишак,
Но ответственности опасался он.

Так бывает с каждым лидером порой.
Он не знает, что же будет впереди.
Ну, какой, к шайтану, из осла герой?
Привязали, в зад пиннули, и веди.

И разбойники встречали караван,
Но заметив, что не видно никого,
В том коварнейший
усматривали план,
Уходили и не трогали его.

Вот такие получаются дела.
А сюжет, конечно, каждому знаком.
Выбирать начальство не дает Аллах.
Приходилось всем идти за ишаком.

В душном городе Али сидел один
И читая восхищался Навои,
Вспоминал причины ранних он седин,
Вспоминал несчастья долгие свои.

Вот уже шесть лет прошло с тех пор,
Как с соседями поссорился эмир,
Как войною обернулся глупый спор
И разрушился когда-то крепкий мир.

В бой кровавый бросил армию свою
Злой эмир. Да будет проклят он вовек!
И увел в полон чеканщика семью.
А семья –
две сотни с лишком человек.

И осталась лишь работа да еда,
Деньги все эмиру жадному отдай,
И не выбраться из плена никогда,
Отнимает все, презренный негодяй.

И когда Али увидел ишака,
Что у шурина любимцем был в дому,
Понял мастер, что удача велика,
И удастся всех родных спасти ему.

Пересек ишак границу двух держав
И вернулся, наконец, к себе домой.
И воскликнул шурин,
радость не сдержав:
"Мой ишак! И караван, конечно, мой!".

А кувшин на ишаке был не простой,
Только друг прочтёт витые письмена.
Для кого узор восточный золотой,
А кому весь тайный план дано узнать.

Прочитал тут шурин на кувшине вязь
И распродал
всех верблюдов и товар,
И отправился он в горы, помолясь.
Раздувать в горах восстания пожар.

Триста нанял он джигитов на два дня,
Тех, что лишь самум
в войне опередил,
И, в набег направив чёрного коня,
Тёмной ночью он семью освободил.

Так дошел до дорогой своей земли,
Доказав, что он художник, а не раб,
Благороднейший мудрец – Абу Али
Ибн Бей ибн Омар ибн Хаттаб.

Я мораль от вас, друзья, не утаю,
И не мог бы утаить ее никак,
И страну спасти способен, и семью
Нами правильно поставленный ишак!

МОНАСТЫРЬ

На вершине средь высоких гор
Жил в тиши учитель и мудрец,
К совершенству
шёл он с давних пор,
И закончил дело, наконец.

Создал десять тысяч чертежей,
Выбрал на крутой горе пустырь,
В небесах,
где родина стрижей,
Завещал построить монастырь.

Мощный он фундамент заложил,
Стены светлых башен высоки,
Словно воплотились миражи
На ладони Божеской руки.

Но чудесней,
чем паренье лун,
Словно отраженье двух зеркал,
Лишь один-единственный валун
Монастырь с землёй соединял.

Собрались толпой ученики
Вместе,
вдохновенно как во сне,
Стали по велению строки
Строить монастырь на валуне.

И настолько точен был чертёж,
Что на основании таком
Как весы,
не ощущая дрожь,
Стал расти их новый общий дом.

И рождая преданность и страх,
Разнеслось преданье по стране:
"Там, за перевалами, в горах
Строят монастырь на валуне!".

И ещё подвижники пришли,
И трудились дружно сотню лет
Рядом с небом на краю земли,
И ученья постигали свет.

Близился к концу великий труд.
К празднику готовился народ.
Чудо, то, что гений создал тут,
Созревает как прекрасный плод!

Но внутри ученья, как всегда,
От гордыни, подлости и зла,
Как неотвратимая беда
Родилась завистников хула.

Местом недовольны на пиру
Отступившие ученики
Подлую затеяли игру –
"Вспять вернуть течение реки".

Что же проще, вот, один валун,
Удали, и монастырь падёт,
Люди будут помнить лишь хулу.
Не увидит праздника народ!

Но валун не поддавался им,
Ни кирка, ни молот не помог,
Будто бы заклятием храним,
Словно сам загадочный восток.

И собрались те, кто чёрен был,
Навалились все, что было сил,
И рассыпался валун в сухую пыль,
И мгновенно
монастырь всех раздавил.

Раздавил и встал на пьедестал,
Не было учения прочней.
Монастырь дорогой в небо стал
До заката, до скончанья дней.

Всё предвидел
истинный мудрец –
Место для живых и для могил,
Знал и червоточину сердец,
И расплату подлым предрешил!

И поправ неверных навсегда
Истиной учение взошло!
Можете и вы прийти туда,
Если не несёте в сердце зло!

Донецк

Виталий МОЛЧАНОВ

Поэма

Земля – корабль!
Сергей Есенин

1.
Ныряешь в сон, выныриваешь в явь.
Мы по шоссе-реке несёмся вплавь,
На "Шевроле" штурмуя расстоянье,
Земные мили вспенив за кормой.
Новоазовск объят вечерней тьмой,
За долгий день
он вымотался крайне.

Таможня из окна глотает пыль,
К автомобилю льнёт автомобиль,
Полощет стяг
осенний дымный ветер:
Там уголь чёрен,
кровь на нём красна
Под синью неба… "Нет, не допоздна.
Досмотрим быстро", –
прапор нам ответил.

Получены обратно паспорта,
Шофёр смеётся басом: "От винта!" –
Рубаха-парень
с выучкой шахтёрской.
В Донецк, на полуостров ДНР
"Лачетти" правит на лихой манер,
И семечки мне сыплет
полной горсткой.

2.
До фронта
километров двадцать пять,
Здесь о войне не любят вспоминать,
И так она пылает в каждом слове,
В поступке, взгляде, жесте и судьбе.
– В пятнадцатом
вернулись мы к себе,
Считай, весь год
промаявшись в Ростове…

Плывём в Донецк
сквозь шхеры блокпостов:
Погашен свет, порядок здесь таков –
Без фар включённых
проходить проверку.
"Случалось, дальний врубят,
и – огонь, –
Перевернул водитель наш ладонь:
"Мы, словно карпы,
сразу пузом кверху".

Не льётся водопадом разговор.
Вопрос – ответ.
С низины – на бугор.
Мелькают на обочинах лисицы.
– Зверья полно,
но есть большое "но" –
Охотиться в войну запрещено.
Подумают,
что враг сумел пробиться.

3.
Пейзаж донецкий
с оренбургским схож.
Всё степь да степь…
А тракт похож на нож,
Нацеленный Донецку
прямо в сердце.
– Враг был отброшен,
сломлен, не разбит.
Окраины трясёт, и центр дрожит, –
Вдавил педаль
шофёр тяжёлым берцем.

Прекрасный город миллиона роз,
В край терриконов корневищем врос,
С Вождём одно
носивший прежде имя,
Вновь по тебе
стреляет подлый тать –
По школам бьёт,
не в силах дух сломать…
Стерев слезу,
прощаешься с родными.

Поверь, Донецк, Россия за спиной.
Ребёнок узнаёт снаряда вой:
– То ж мина, дядя.
Видишь – пролетела?
Ныряешь в сон, выныриваешь в явь:
"Спасибо, брат,
к причалу катер правь.
Час комендантский
нарушать не дело".

4.
Стреляя в брата, попадёшь в себя.
Дырявый чёлн хлебнёт воды, скрипя
В последний раз
над бурною стремниной.
– Без Авеля скитаюсь, не живу,
Рассудку вопреки его зову,
Над бездною склонившись –
Украиной.
Распахнуто в гостинице окно,
Мы смотрим невесёлое кино –
По злобной
воле
западного
бонзы.
В музее –
залы новые
войны.
Заблудших
души
в лапах
сатаны

Трамвай последний
проутюжил рельсы,
На улице вечерней – ни души.
Не спит Донецк, живущий не по лжи,
Но под прицелом ВСУ и прессы.

Слова скупые сводок ДНР,
И голубой экран вдруг посерел:
Взмахнула смерть
зазубренной косою,
Разрезав нити норн, впуская стынь.
Сражен отец и брат, супруг и сын
В квартале мирном,
дочь прикрыв собою.

5.
Кровь с рук убийцы
временем не смыть.
Газетчиков свидомых тщетна прыть,
Запрыгала на месте пропаганда,
Когда сказали: "Кокорев-полкаш
(Дончане –
вот губитель гнусный ваш!)
Отдал приказ,
и залпом била банда…

"Земля – корабль!".
Есенин, как ты прав!
В ковчеге общем,
жалкий скарб собрав,
Плечом к плечу,
кто к смерти, кто в бессмертье,
Плывём сквозь галактическую тьму,
Несущие корону и суму
В житейской повседневной
круговерти.

Да не померкнет в мире
Русский свет!
В годину фронтовую шёл балет
На славной сцене
в Оперном донецком.
Как много было радостных минут –
По морю плыл на родину Пер Гюнт,
И нам бы так уплыть
в мечтанье детском.

6.
"Мой дядя, –
говорил мне местный гид, –
В Сургуте жил –
не клят, не мят, не бит.
В нефтянке заработал состоянье.
Построил в Запорожье новый дом,
Машинку приобрёл себе потом,
И денежку скопил на пропитанье.

Нам с мамой не подкинув ни рубля,
Звонит частенько:
"Скинуть с корабля
Давно всех вас пора, сепаратисты,
И Украина дальше поплывёт!..".
Записан в "Правый сектор" идиот
И числится одним из активистов".

Им с Кокоревым, видно, по пути…
Брёл Каин грешный – гневно "Уходи!"
Кричали люди и бросали камни.
Стреляя в брата, попадёшь в себя,
Родную кровь неправедно губя.
Срок злодеяньям не бывает давним.

7.
Пусть розы, прорастая, рвут снаряд!
Четыре скорби выстроились в ряд,
Взывая к небу
чёрным криком бронзы.
Погибшим – память, а живым – урок.
Остановись, не нажимай курок
Дрожат от страха и харкают ядом.
Летит в Донецк пылающий свинец.
Мать, всю в слезах,
прижмёт к себе отец:
– Сынок наш пал
на поле битвы с адом.

Библиотекарь – юная вдова,
Находит сокровенные слова:
"Приехала к родне
да и осталась.
Я здесь нужней,
война ж не навсегда,
Вновь расцветут
в Донбассе города,
Осталось подождать
всего лишь малость".

8.
В Макеевке, читающей стихи,
Готов простить огрехи,
не грехи –
Неточность рифм
и ритма спотыкачи.
В четырнадцатом начала писать –
И горем переполнилась тетрадь,
Такая, что не плачущий заплачет.

К ней Муза приходила между дел,
Когда закончен вражеский обстрел
И раненые помощь получили.
Харону медный уплатив обол,
Садилась медсестра
за шаткий стол
День превращать
в рифмованные были.

Бушует Украины водоём –
Майдан, скандал,
коррупция, погром.
Неправедные праведными правят.
Лишь доллары иудины в глазах,
Пора прикрыть от срама образа…
В Донецке снова сталь
в мартенах плавят.

9.
Я в Оренбург вернусь не налегке.
Слова друзей на русском языке –
Стихи и прозу –
соберу в дорогу.
Флаг чёрно-сине-красный и значок
С орлом двуглавым –
в сумку на бочок,
И можно в путь обратный,
слава Богу.

Опять плывёт по трассе "Шевроле",
А мысли о растерзанной земле
Тревожат душу,
беспокоят сердце:
Одна страна, один родной народ
В прицеле вражьем скоро пятый год.
Откройте дверь,
раз растворили сенцы!

В Россию из России –
только вслух!
Земля – корабль,
и мощный русский дух –
Бессменный кормчий
яростной планеты.
Пусть розы,
прорастая,
рвут снаряд,
Враги в костре истории сгорят,
И город роз пожнёт свои букеты!